

Виктор Пронин

Слишком большое СХОДСТВО

*Часть сборника
Слишком большое сходство
(сборник)*

Ксенофонов и Зайцев

Виктор Пронин

Слишком большое сходство

«ЭКСМО»

2005

Пронин В. А.

Слишком большое сходство / В. А. Пронин — «Эксмо»,
2005 — (Ксенофонтов и Зайцев)

«Осень наступила неожиданно рано, установилась какая-то влажная, пасмурная, хотя и не холодная погода. Часто шли несильные дожди, по утрам стояли туманы. Солнце появлялось к середине дня, да и то ненадолго. Опавшая листва выглядела сероватой, от дождей размокла и уже не шелестела под ногами, не пружинила. Ясное синее небо все видели настолько давно, что даже возникало сомнение – да и бывает ли оно таким...»

Виктор Пронин

Слишком большое сходство

Осень наступила неожиданно рано, установилась какая-то влажная, пасмурная, хотя и не холодная погода. Часто шли несильные дожди, по утрам стояли туманы. Солнце появлялось к середине дня, да и то ненадолго. Опавшая листва выглядела сероватой, от дождей размокла и уже не шелестела под ногами, не пружинила. Ясное синее небо все видели настолько давно, что даже возникало сомнение – да и бывает ли оно таким...

Старенький, замызганный автобус мчался по загородному шоссе с включенными фарами. Встречные машины угадывались по приближающимся расплывчатым огням, и лишь метров за двадцать на дороге возникало затемнение, словно сгусток тумана, а через секунду мимо проносилась железная громада.

Зайцев и Ксенофонтов неотрывно смотрели на дорогу. Впрочем, это продолжалось недолго – Ксенофонтов начал подремывать, а потом и вовсе заснул, положив голову на плечо друга, заснул сладко и глубоко. Зайцев хотел было сдвинуть его кудлатую голову, но, поколебавшись, оставил ее на своем плече. «Пусть поспит, – решил он, – авось мозги свежее будут».

Вышли они на какой-то неприметной остановке, и вначале Ксенофонтову показалось даже, что автобус остановился посреди поля. И, только присмотревшись, он увидел железные столбы автобусной остановки, а чуть дальше – треугольную крышу дома. Самого дома, сложенного, похоже, из серого кирпича, не было видно, лишь крыша как бы плавала над землей.

– Тут и не захочешь – убьешь кого-нибудь, – проговорил Ксенофонтов, зябко передернув плечами. Он застегнул верхнюю пуговицу плаща, поднял короткий воротник, сунул руки в карманы и нахохлился, недовольно озираясь по сторонам.

– Не надо, – сказал Зайцев, напряженно глядя в туман. – Уже убили. А вот и за нами идут...

Из тумана к ним торопливо приближался человек. Когда он подошел совсем близко, стали заметны форменный плащ, погоны, милицейская фуражка.

– Товарищ Зайцев? – обратился он к Ксенофонтову.

– Почти... Зайцев вот тут рядом стоит, правда, увидеть его мудрено, туман, да и рост у нашего следователя...

– Да, действительно, туман, – смешался милиционер. – Извините.

– Ничего, – успокоил его Зайцев. – Гражданин шутит. Они у нас часто шутят. Не дожидаясь даже подходящего повода.

– Ха! – усмехнулся Ксенофонтов. – Если мы начнем дожидаться удобного повода, случая, настроения, если мы начнем искать подходящую к нашему здоровью выпивку да закуску к ней, то... Боюсь, нам никогда не удастся сесть за стол.

– Обед мы заказали, – по-своему понял милиционер слова Ксенофонтова. – Но сейчас вроде рановато... Мы подумали, что вы захотите выехать на место происшествия... Машина ждет. Решайте, можете вначале и перекусить. И пропустить можем по глоточку... Погода располагает.

Зайцев уничижающе посмотрел на Ксенофонтова и безошибочно направился к машине – в ту сторону, откуда только что появился милиционер. Действительно, «газик» с брезентовым верхом стоял совсем недалеко. Румяный белозубый водитель слушал низковатые переливы голоса Патрисии Каас, но, увидев подходивших людей, выключил приемник.

– А вот это ты, старик, напрасно, – тут же встрял Ксенофонтов. – Включи приемничек-то... Пусть девочка поет. Не надо ей мешать. Когда девочка поет, это прекрасно, старик. Лучше слушать ее, чем злобное ворчание начальства. Помню, однажды в Ялте... Солнце, море, я весь из себя загорелый, красивый... И тут появляется на пляже обалденная...

– Остановись, – сдержанно проговорил Зайцев, усаживаясь рядом с водителем. – У нас еще будет время поговорить о твоих ялтинских похождениях. Поехали, – бросил он, но приемник не выключил, из чего Ксенофонтов сделал вывод, что не все еще выгорело в душе сурового следователя, что есть еще какая-нибудь надежда на его оживление.

– Куда? – спросил оробевший водитель.

– К озеру. Туда, где все это у вас и произошло. Со стороны камышей.

Водитель понимающе кивнул, машина тронулась и, разбрызгивая лужи, бойко побежала по грунтовой дороге. Ксенофонтов благодумствовал, слушая хрипловатый голос певицы, он наслаждался совершенно откровенно, давая понять, что ничего в мире его больше не интересует. А Зайцев с милиционером молчали по той простой причине, что оба знали подробности преступления, а новостей не было ни у того, ни у другого. Кроме того, милиционера предупредили, что следователь приедет с каким-то выдающимся не то экспертом, не то экстрасенсом, и он притих, ожидая того момента, когда Ксенофонтов начнет проявлять свои необыкновенные способности. Правда, легкомысленное поведение экстрасенса озадачило милиционера, но потом он решил, что тому так и положено себя вести, что и в его поведении тоже как-то должны проявляться загадочные свойства природы.

– Приехали, – сказал водитель и заглушил мотор.

Туман на озере оказался гораздо слабее, в ста метрах смутно угадывалась полоска противоположного берега. А здесь, у самой дороги, влажно шелестели камыши, в стороне хрипло и нахально каркали вороны, будто ругались в какой-то своей вороньей очереди.

Зайцев выпрыгнул из машины первым, вслед за ним нескладно выбрался Ксенофонтов. Милиционер тоже было попытался присоединиться к ним, но следователь его остановил.

– Оставайтесь в машине, – сказал он. – Мы быстро. Надо вот товарища ввести в курс дела. Пошли, – обернулся он к Ксенофонтову, который как раз собирался запустить корягу на середину озера. И он все-таки запустил ее, хотя знал, что Зайцеву это не понравится. Коряга упала в воду с глухим всплеском, всколыхнув неподвижную гладь озера.

– Здесь, старик, ничего, да? – проговорил Ксенофонтов. – Надо же, а я никогда на этом озере не был... А ты?

– Последнюю неделю почти каждый день.

– И как? Понравилось?

– Очень.

– Есть успехи?

– Смотря что иметь в виду. Все участники события установлены.

– Ни один не упущен? – бдительно спросил Ксенофонтов.

– Послушай... Ты к нашему ведомству отношения не имеешь. И только прошлые заслуги, весьма скромные, надо признать, вынудили прокурора позволить тебе участвовать в... в этом выезде. Потом в своей газете можешь дать небольшую заметку... Так, дескать, и так, следователь Зайцев провел расследование и задержал убийцу.

– А ты действительно его задержал?

– Заткнись. Если бы я знал, кто убийца, тебя бы здесь не было. Докладываю обстановку... Сюда, на это озеро, неделю назад выехали охотиться шесть человек. Постоянная, многолетняя компания.

– На что охотились?

– На уток, – холодно ответил Зайцев и, не оглядываясь, пошел по тропинке вдоль берега. Ксенофонтов зашагал следом. Вскоре машина скрылась за поворотом, и теперь казалось, что на сотни километров вокруг нет ни единой живой души. Все так же ссорились вороны, и их крики напоминали лай осипших собак, мягко шелестели камыши, несколько раз из тумана доносилось кряканье уток. – Повторяю, – продолжал Зайцев, – компания сложилась давно, все

хорошо знали друг друга: встречались не только на охотничьих тропах, но и в городе. Хотя это уже к делу не относится.

– Как знать, – обронил Ксенофонтов. Он шел, оставив правую руку в сторону и скользя ладонью по камышам. Ему, видимо, нравилось касаться стеблей, и непонятно было – вслушивается ли он в их легкий шелест или в слова следователя.

– Неделю назад они, как обычно, выехали на охоту. На это озеро.

– Тогда тоже был туман.

– Молодец, у тебя хорошая память. Расположились вдоль берега, в ста-двухстах метрах друг от друга. Забрались в камыши, устроились на надувных камерах от тракторных колес и...

– И прекрасно себя чувствовали, – закончил Ксенофонтов. – Удачная была охота?

– Да. Один из них оказался убитым.

– Утиной дробью?

– Кабаньей картечью. В спину. Полный заряд. Стреляли с небольшого расстояния, расцеивания почти не было. Заряд вошел в спину плотным гнездом. Ребра – в крошки. Даже из сердца при вскрытии извлекли кусочки костей.

– Какой ужас!

Зайцев оглянулся, внимательно посмотрел на Ксенофонтова, но тот был серьезен. Его, кажется, и в самом деле потрясла страшная картина убийства. И чтобы уж Зайцев не сомневался в этом, он повторил:

– Просто ужас какой-то!

– Ужас был потом. Когда вечером все собрались вон под тем деревом, одного охотника не оказалось. Подождали, похвастались добычей...

– А была добыча?

– Ты что – дурак?! – резко обернулся Зайцев. – Какое имеет значение – была добыча, не было добычи? У всех утки болтались за поясом, или убили только одну... Что ты несешь?!

– Спокойно, старик. Ты так взвился, что мне сразу открылись причины твоих неудач в следственной деятельности. Ты очень нервничаешь, так нельзя, старик. Это плохо. Тебе положено быть вдумчивым, проницательным и, прости, временами даже мудрым. Да-да, тебе уже мудрым пора становиться, а ты все прыгаешь, как воробей по веткам. Поясняю... Если все вернулись с добычей, значит, над этим несчастным озером стояла настоящая артиллерийская канонада. И установить, кто стрелял в уток, а кто целил в своего закадычного приятеля, невозможно. Пока невозможно.

– Была добыча.

– У всех?

– Даже у убитого.

– Как же это он? Ведь ты сам говоришь, что кабанья картечь...

– Он подстрелил нескольких уток до того, понял? До того, как его убили. До!

– Ну что ж, – рассудительно заметил Ксенофонтов, – так тоже бывает. Продолжай. Внимательно тебя слушаю.

– Так вот, когда все собрались, Асташкина не было. Асташкин его фамилия. Подождали, пора было начинать ужин, кое-кто, не вытерпев, даже рюмку опрокинул...

– И такие нашлись?

– Послушай, – Зайцев остановился, не оборачиваясь. – Давай так договоримся... Я расскажу все, что считаю нужным, потом ты вернешься, усядешься за свой редакционный стол и шути сколько влезет. А пока... Слушай и молчи.

– Я вижу, старик, тебя опять посетил гнев. Напрасно. Заткнуться я могу, но какая тебе от этого польза? Я не виноват, что ты не отличаешь шуток от моих проницательных вопросов. Если кто-то, не дождавшись ужина, поспешил ахнуть стакан водки, если так душа пылала,

что не было сил совладать с собой, то, может быть, у него были для этого причины? Вот я и спрашиваю – кто выпил в одиночку, не дождавшись ужина?

– А знаешь, – смутился Зайцев, – действительно... В этом что-то есть... Я как-то не заинтересовался...

– Не тем интересуешься. И не теми.

– Ладно, разберемся. Вот здесь сидел Асташкин. У остальных гнездышки были такие же.

Они остановились у самого берега. В этом месте камыш был пореже, сюда же вела еле заметная тропинка, поэтому охотника с берега было хорошо видно. А невысокий кустарник позволял и спрятаться, и прицелиться не торопясь. Уж если охота была удачной и стрельба гремела беспрерывно, то выстрел убийцы никого не насторожил, остался незамеченным.

– Ну, хорошо, разложили снедь на брезенте, расставили бутылки, стаканы, а одного охотника нет... Что они делают? – спросил Ксенофонтов, глядя на тающий в тумане противоположный берег озера.

– Что делают... Покричали, несколько раз вверх пальнули... Потом двое отправились искать. К тому времени стемнело, пошли с фонарями. Где Асташкин расположился – примерно знали. Вначале прошли мимо, вернулись, снова кричали... И в свете фонаря увидели темное пятно... Оказалось, камера. Подошли поближе – в камере никого. Рядом, среди камышей, шляпа плавает... Тут уж маленько струсили... Сапоги у них высокие, до пояса, вошли в воду... Ну что... Обнаружили Асташкина. Выволокли на берег, в спине дыра. Чистенькая такая, мокрая дыра. За день всю кровь водой вымыло. Ты бы посмотрел на эту рану... Кулак войдет. Они все собирались этим же вечером домой вернуться, но остались. Послали машину в местную милицию... И завертелось. Утром я уже был здесь.

– И твой вывод?

– Убил один из них, тут и думать нечего. Все они перебивали в моем кабинете, все дали показания, кое-кто даже слезу уронил, но тем не менее...

– Следствие зашло в тупик, – жестко закончил Ксенофонтов.

– Следствие продолжается, – поправил Зайцев. – Но арестовывать и в самом деле некого. Никто в убийстве не признался. И не собирается, как я понял. Пять подозреваемых, но ни одного обвиняемого. Каждый из них мог спокойно покинуть свое охотничье место, пробраться к Асташкину, всадить ему в спину заряд картечи и вернуться.

– А ты уверен, что убить хотели именно Асташкина?

– Не понял?

– Возможно, целили в другого, да перепутали в тумане? А может, вслед за охотниками еще кто-то приехал, о ком они и знать не знали...

– Исключено. Других машин не было. А добраться иначе просто невозможно. Убийца знал, где именно сидит Асташкин, тем более что рядом – заметный знак, – Зайцев показал на громадное сухое дерево.

– Как же они стреляли в таком тумане?

– В тот день вскоре после их прибытия туман рассеялся. Днем вообще стояла хорошая ясная погода. И только к вечеру озеро опять начало затягиваться туманом, тогда они и засобирались к ужину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.